

Рассказ А.П.Чехова «Ионыч»: поражение человека.

(Из опыта внимательного чтения на уроках литературы в 8 и 10(11) классах.

С примечаниями и приложением.)

*Посвящается всем, с кем я имела счастье
размышлять над русской классикой.*

В пушкинском «Каменном госте» Лепорелло говорит Дон Гуану, что тот по «узенькой пятке» прекрасной женщины «в минуту дорисует остальное». Примерно то же, видимо, должно происходить в сознании читателя в процессе общения с текстами Чехова. Деталь в чеховском тексте – микрообраз, который не просто принимает на себя значительную смысловую нагрузку, но - что главное - говорит о содержании, которое **уточняется нами с помощью новых деталей по ходу чтения текста и по мере его усвоения**. Можно читать и перечитывать, почти бесконечно углубляя и уточняя содержание и смысл чеховских рассказов, повестей и пьес, несмотря на их относительно небольшой объем (по сравнению, скажем, с романами). Можно, дойдя до конца текста, вдруг иначе увидеть начало, не потеряв в то же время и результата первого осмысления. Этим чеховские тексты трудны и одновременно неизъяснимо прекрасны. Приблизить школьников к пониманию такого живого, текучего и одновременно очень ясного, внятного смысла чеховского текста, наверное, мечта каждого словесника. Очень хочется надеяться, что предлагаемый материал, в чем-то, возможно, спорный, поможет его читателю и углубить собственное понимание рассказа «Ионыч», и сделать более интересным разговор на уроках с детьми.

Рассказ «Ионыч» изучается школьниками в конце 10 или начале 11 класса, но не только. Есть этот рассказ и в рекомендованной ныне для среднего звена гимназий и лицеев программе МИРОСа («Концепция и программа литературного образования»), в блоке «Интерес к повседневной жизни...» в 8 классе. Изложенный ниже подход к анализу текста или отдельные задания и вопросы могут быть полезны в обоих случаях. В общем плане этот подход представляет собой внимательное аналитическое чтение текста, опирающееся на эмоциональное и эстетическое переживание художественной детали, ее осмысление в узком и широком контексте, выявляющее структурообразующие смыслы текста, авторскую оценку, авторскую позицию в целом. Особенно важно остановиться на тех элементах художественной ткани рассказа, знания и понимания которых у юных читателей пока нет или оно нечетко, на взаимосвязи художественных деталей, делающей пространство живого смысла текста, возникающего в сознании детей, более объемным и наполненным. Опыт показывает, что порой комментарии на уроках требуют, казалось бы, очевидные вещи, в то же время сложные моменты «берутся» учащимися с ходу, поэтому в предлагаемом материале все они оказываются в соседстве и по необходимости в чем-то могут повторять то, что уже неоднократно откомментировано и проанализировано в других работах, посвященных рассказу. Повторения (за что отдельно приношу свои извинения) становятся неизбежными, если задача заключается в целостном анализе.

Начнем работу с живого разговора о прочитанном рассказе: что в нем вызвало эмоциональную реакцию и какую? В ответах ребят находим то, на чем можно завязать принципиальный разговор о смыслах, анализ. Как правило, очень скоро кто-нибудь замечает, что в финале герой становится отталкивающе безобразным, хотя вначале он был таким, как все, «нормальным», как говорим мы часто. Описывает Чехов постепенность изменений? Хотел бы он заинтересовать читателя этим процессом? Если да, то взглянем пристальней в текст V главы и найдем детали, которые претят нашему эстетическому и нравственному чувству (а на доске справа выпишем некоторые из них; дети работают в тетради): «жадность одолела», «пухлый, красный», «голос... стал тонким и резким», «кричит своим неприятным голосом», «без церемонии идет в дом (назначенный к

торгам)». Не ставим целью собрать все детали, но важно, во-первых, обновить впечатление от самостоятельного чтения, увидеть, одинаково ли мы воспринимаем и оцениваем, во-вторых, попробовать найти хоть одну светлую деталь. Восьмиклассникам, кроме того, существенно увидеть, что автор не разворачивает перед читателем широкую картину жизни Ионыча, а использует детали, но какие емкие и выразительные!(1) (Не забудем дать восьмиклассникам определение художественной детали, если оно ранее не вводилось.)

Каким же Старцев был вначале? Не анализируя всю I главу, остановимся на *самых светлых, живых* подробностях и внесем их в таблицу слева: Старцев молод, бодр, полон сил; он идет, напевая, девять верст и «не чувствует ни малейшей усталости»; он способен, засыпая, засмеяться; наконец, он служит в земской больнице, где работы много и она тяжелая. Когда таблица закончена, предложим ребятам оценить данные и сформулировать и записать напрашивающийся вопрос. Например: *Почему обычный, живой человек превращается в существо без единой светлой черточки? Что с ним произошло?* Наиболее часто выдвигаемой детьми оказывается версия, что Старцева погубила несчастливая любовь к Котику.

Эту версию полезно кратко рассмотреть. Старцев получает отказ в III главе. Когда дети это вспомнили, заглянем в финал главы II, от слов: «Я устал, едва держусь на ногах...» до слов: «Ох, не надо бы полнеть!» Разве *этот* Старцев такой же, как в конце I главы? Финалы I и II глав контрастны: если вначале Старцев «с удовольствием прошел бы еще верст двадцать», то через год-полтора он «с наслаждением садится в коляску». Итак, очевидно, что, как бы мы ни оценивали влияние на Старцева отказа Котика, какой-то странный процесс начинает происходить в герое задолго до этого отказа. Какую бы версию мы ни проверяли, важно, чтобы разговор был максимально предметным, опирался на текст, на деталь. Подводя итоги первого этапа работы над рассказом, учитель делает вывод о необходимости внимательного аналитического чтения рассказа буквально с первых его слов, так как только этот путь приведет нас, читателей, к ответу на записанный после таблицы вопрос.

В центре анализа, конечно, образ Старцева, но очевидно, что образ семьи Туркиных важен не менее; с него и начинается рассказ. Но не упустим и первого абзаца, отметим, что «губернский город» – это в какой-то степени мера чеховского обобщения, не маленький городок, а следующий по значимости после столичных, главный город губернии. Далее, два мнения о «самой талантливой и образованной» семье Туркиных сосредотачивают читательское внимание на ней.

Чтение второго абзаца может оставить больше вопросов, чем дать ответов, но попробуем выделить значимые детали и уловить авторское отношение к героям. Итак, «полный, красивый брюнет», «миловидная дама в *rinse-pez*», «молодая девушка», «спектакли с благотворительной целью», «у каждого был какой-нибудь свой талант» - все эти подробности в целом располагают читателя к персонажам. И особенно нельзя не отметить деталь «принимали гостей **радушно** и показывали им свои таланты **весело, с сердечной простотой**» - деталь, которую Чехов почти дословно, сохранив ключевые слова, повторит в финале. Каково общее впечатление о семье Туркиных? Это милые, душевные люди. Все, что мы читаем о них, складывается в образ *земного благополучия* (жили «на главной улице, возле губернатора, в собственном доме») и *душевности*. Каково же авторское отношение? Общий тон как будто констатирующе-одобрительный, особенно подкупает «сердечная простота» персонажей.

Но **вчитаемся** (буквально - прочитаем вслух, не торопясь, вникая), вчитаемся еще раз в финальную фразу абзаца, следующую сразу после слов «с сердечной простотой» - слов, после которых непосредственный читатель начинает испытывать, если так можно выразиться, «нравственно-эстетическое» доверие к персонажам. Лирически прозрачно и «гостеприимно» звучит начало завершающей фразы: «В их большом каменном доме было

просторно и *летом* прохладно, половина окон выходила в *старый тенистый сад*, где *весной пели соловьи*; когда в доме сидели гости...» Можно предложить ребятам здесь прерваться и продолжить фразу так, чтобы продлилось ее лирическое звучание. Когда они блестяще справятся с заданием, прочитаем продолжение чеховской фразы: «...то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком...!» И становится абсолютно ясно: что-то *не то* в этом земном благополучии и в этой гостеприимности и автору что-то не нравится в том, что «это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин». Зададим вопрос: на каких словах держится лиризм первой части финальной фразы? В первую очередь на словах, создающих микрообраз **природы** (см. курсив в цитате), особая эмоциональная нагрузка падает на «соловьи» - слово, заключающее первую часть сложного бессоюзного предложения. А что противостоит ему в продолжении фразы? «Назойливые» бытовые детали, которые, кстати, будут повторены через полторы страницы, где «запах жареного лука» окажется по соседству с «запахом сирени»; «обильный и вкусный ужин» - деталь, в данном контексте приобретающая смысл избыточности и пресыщенности(2).

На этом этапе работы, особенно если слишком сильный акцент сделан на «запахе жареного лука», у старшеклассников может возникнуть мысль о том, что Чехов писал о влиянии бездуховной среды (Туркиных) на человека (Старцева). Эту версию следует проверять уже в ходе анализа. Но пока не забудем «сердечной простоты» Туркиных.

Третий абзац посвящен уже собственно «доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу». Здесь также многое важно, хотя выглядит обыденно - благодаря особому, чеховскому тону повествования. В начале рассказа Ионыч - еще «Старцев», это человек с университетским образованием (врачей готовили в университетах), он *земский* врач, и это требует комментария и в 8, и в 10 классе. Есть в первом предложении и слово «интеллигентный». Возникает хороший повод пояснить ребятам это понятие, как оно сложилось в русской традиции, если раньше оно не обсуждалось(3). Момент бескорыстия и жертвенности следует подчеркнуть особо. Таким образом, по внешним приметам главный герой – светлая личность.

Обыденно выглядит знакомство Старцева и Туркина, но Чехов позаботился о том, чтобы разговор был разыгран как по нотам: стандартное вежливое начало – «о погоде»; «о театре» - это увлечение Ивана Петровича и вообще достойная, «интеллигентная» тема; «о холере» - это, видимо, Иван Петрович вежливо откликнулся на то, что волнует собеседника. Знакомство состоялось – «последовало приглашение». И причины появления Старцева в городе весной, в праздник Вознесения (запомним эту «не упущенную» Чеховым деталь) совершенно не выходят из пределов обыденности. Что такое обыденность? Может ли она быть страшна и чем? Не она ли погубит нашего героя? Может, он сам ее выбрал или поддался ей? Эти вопросы следует обсуждать с детьми, тем более что у подростков-восьмиклассников есть не только опыт переживания обыденности, но зачастую и внутренний вопрос: у всех ли так? Не все они уже отрефлексируют, как происходит выход из состояния некоторой подавленности «вялотекущей» обыденностью. Не все размышляли о том, *что* в состоянии преобразить жизнь так, чтобы все в ней наполнилось смыслом. Тут может пригодиться и деталь «это было Вознесение»: вставная конструкция подчеркивает абсолютную раздельность праздника и человека, что подтверждается в свою очередь словами: «Старцев отправился в город, чтобы развлечься немножко...». Но не будем торопиться с выводами, ведь с утра он еще принимал больных! Пока понятно, что обыденность – это то, что окружает Старцева, но это и то, во что он уже частично вовлечен, хотя на душе у него легко, судя по тому, как он идет напевая. Так исподволь намечается Чеховым та двойственность героя, тот неявный, сглаженный и тоже по-своему «обыденный» внутренний конфликт, который в определенный момент поставит Старцева перед выбором...

Дальше мы вместе с героем, который «еще не пил слез из чаши бытия», «пешком, не спеша» (ср. в V главе: «хочется поспеть и здесь и там») приходим в город и оказываемся в доме Туркиных. Дальше полезно читать вслух, вникать в интонации и

смысл. Как встречают хозяева гостя? Действительно, *радушно*, приветливо, с шутками, приглашая слушать роман и пить чай, окружают его атмосферой приятия и душевности. Но как это радушие подается автором? Важно, чтобы дети сами старались подбирать максимально точные слова и обязательно приводили краткие и точные примеры. Кто-то заметит некоторую приторность радушия («Очень, очень рад видеть такого приятного гостя»), кто-то почувствует искусственность(4) и манерность в шутках и приветствии, которое, кстати, затем в точности повторится для каждого из гостей («Здравствуйте пожалуйста», «мой муж ревнив, это Отелло»), а кому-то покажется неуместным проявление супружеской нежности («душенька», «ах ты, цыпка, баловница», «Жанчик»). А в целом? А в целом это какая-то чрезмерность, избыточность душевности, серьезно отдающая пошлостью(5). Отметим, как хорошо эта избыточность душевности гармонирует с избыточностью еды («обильный и вкусный ужин»).

Замечателен и портрет Екатерины Ивановны, а также соположенность ее портрета со следующим образом. Итак, Екатерина Ивановна «худощавая и миловидная»; отмечено «выражение... детское и талия тонкая, нежная»; затем «девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне». Целый гимн телесной красоте героини! Но Старцев, глазами которого мы сейчас смотрим на нее, конечно, в состоянии был бы заметить и другое. Что в этом портрете о лице, о глазах? «Выражение у нее было еще детское...» - и всё. Напрасно мы искали бы здесь, например, сияющие глаза княжны Марьи или мысль, притаившуюся в маленькой складке над бровью Ольги Ильинской. Отсутствие описания глаз в этом портрете на фоне развернутого описания телесной красоты можно считать своего рода «минус-приемом» (значимым отсутствием), особенно с учетом классической традиции.

Для старшеклассников может быть интересным и еще одно размышление. Попробуем понять, каков смысл эпитета «детский» в данном контексте. Для сравнения можно вспомнить образы Достоевского – Соню, Лизавету (старуха Лизавету «держит... в порабощении, как маленького ребенка», «губы ее перекосилились так жалобно, как у очень маленьких детей»); Соня «несмотря на свои восемнадцать лет... казалась почти еще девочкой... совсем почти ребенком»). «Детское» у него всегда что-то беззащитное, доверчивое, чистое и жертвенное (имеет оттенок евангельского смысла). Достоевский вкладывает в это слово очевидное духовное содержание. А Чехов? Помогает контекст: «выражение... детское *и* талия тонкая». «Выход» в духовный план закрыт, и получается, что «детский» в данном контексте означает только «невзрослый», даже, может быть, немного «инфантильный». Таким образом, портрет героини – описание, в котором мы могли искать обозначения присутствия духовного начала в человеке – обманул наши ожидания.

Однако абзац, начавшийся с описания Екатерины Ивановны, не закончился, и поэтому следующая *непосредственно* после портрета фраза неизбежно бросает свой ответ на него: «Потом пили чай с вареньем, с конфетами, и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту». Вновь звучит знакомый нам мотив чрезмерности, избыточности, приторности, заключая церемонию знакомства Старцева с семьей Туркиных.

Следующее «угощение» - роман Веры Иосифовны. Тут необходимо разобраться: почему «никогда не бывает в жизни» того, о чем она писала? «...молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы...» - разве это так уж невозможно? Разве так уж нереально – «полюбить странствующего художника»? Школы и больницы не только устраивались в то время в России людьми состоятельными и не очень, но Чехов сам принимал участие в такой деятельности, Левитана же вполне можно было назвать «странствующим художником». Итак, это интересный и важный вопрос для обсуждения. Если дети отвечают на него, значит, они довольно глубоко вникли в рассказ. Действительно, смысл слов «никогда не бывает в жизни» не в том, что именно этого принципиально не могло случиться, а в том, что эта «миловидная дама в *rinse-peze*», постоянно окруженная избытком материальных и прочих земных благ, просто ничего **не**

могла знать о подлинной человеческой жизни, о ее горе и страдании, о ее нешуточной сути. Поэтому героиня у нее непременно «молодая, красивая» и обязательно «графиня», поэтому «школы, больницы, библиотеки» во множественном числе, поэтому художник непременно «странствующий». Так Чехов говорит о неподлинности, надуманности того, о чем она пишет. Но гости, словно замороженные, слушают «с очень серьезными лицами». Почему? Они с готовностью погружаются в этот надуманный драматизм романа, неразрывно соединенный с «запахом жареного лука» и «ароматом сирени», с «мягкими и глубокими креслами» и «ласковым миганием свечей», так как он своей «волнительностью» в сочетании с баюкающей бессодержательностью прекрасно дополняет обстановку общего физического и эмоционального комфорта. «Слушать было приятно, удобно... не хотелось вставать...» - кому? Всем; и Старцеву тоже.

Отметив противопоставление романа и народной песни «Лучинушки» по признаку подлинности и не имея возможности прокомментировать все блестящие чеховские детали, постараемся понять, что чувствует и делает главный герой, оказавшись в этом заколдованном мире. Екатерина Ивановна играет на рояле, и Чехов теперь выделяет именно его реакцию, не ограничиваясь общим «не хотелось вставать». Очевидно, что сама игра Старцеву не нравится («с высокой горы сыплются камни... и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться»). Обоснованность его оценки вытекает из оценки авторской: описывая игру «Котика», Чехов пользуется повтором («села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас опять ударила... и опять, и опять; ...упрямо ударяла...»). Но Старцеву нравится Екатерина Ивановна, «розовая от напряжения, сильная, энергичная» (детали в духе проанализированного портрета), нравится как «молодое, изящное и, вероятно, чистое существо». Чтобы для ребят еще очевиднее стала суть музицирования Екатерины Ивановны, его можно сравнить с пением Ольги Ильинской («Casta diva»), пением, которое было подлинным искусством и потрясло всё существо Обломова. Старцев понимает, что никакого подлинного искусства нет в игре Екатерины Ивановны, но, тем не менее, ее «трудные пассажи» – это для него хотя и «шумные, надоедливые, но все же культурные звуки». Важно, что они привлекательны для него не по сути, а лишь **внешней** принадлежностью к той жизни, которой он был лишен в последнее время. Вместе с «культурными звуками» вся обстановка и впечатления этого вечера, цветущая красота Екатерины Ивановны для Старцева нечто «приятное» и «новое». И, наконец, еще один важнейший нюанс: как-то так незаметно происходит, что всё это противопоставляется в его сознании «зиме, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков», то есть хочешь не хочешь, а тому, чему он по большому счету посвятил свою жизнь. Чехов как будто не делает на этом особого акцента, он пишет про зиму, «больных и мужиков» в начале предложения, однако ясно: как минимум *в данный момент* Старцев чувствует, что служба для него – нечто однообразное, тяжелое, неприятное. Таким образом, мы видим, как в какой-то момент герой оказывается готовым пренебречь сутью происходящего и полностью поддаться обаянию заколдованного мира. Почему, в какие моменты это может происходить с человеком: подлинное вдруг теряет в его глазах свою подлинность, а неподлинное наполняется смыслом? Старцев – образованный и умный человек, видимо, хороший профессионал (даже превратившись в Ионыча, он имеет такую репутацию, что его приглашают на консилиумы), но в данном случае речь о другом: герой оказывается в ситуации нравственного выбора, внутреннего конфликта. Сейчас она лишь намечена, но очевидно, что дальше так или иначе ей предстоит обостриться, а герою - сделать выбор окончательный.

Что же это за выбор? В чем его суть? В ходе обсуждения в классе можно выбрать наиболее точную формулировку: выбор между комфортом, удобством – и трудом на благо ближнего; между удовольствием – и самоотречением; между плотским – и духовным. При этом важно, во-первых, «договариваться о терминах», то есть выяснять лексическое значение слов, иначе могут выйти недоразумения. Здесь тоже возможны задания по толковым словарям и наблюдения за тем, как меняется значение. Например, слово

«плоть» у Даля в первом значении - это «тело животного и человека; все вещество...», а во втором – «животные страсти и влечения человека, вожделения и похоти пяти чувств, телесные улады». (В православии это значение определяется как «самолюбие и чувственность», то есть в целом то же самое, только короче и яснее.) В современном языке (Словарь русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой) второе значение Даля можно с трудом найти в толковании *оттенка(!)* первого значения этого многозначного слова, что, по-моему, отражает тенденцию затемнения в русском языке XX века принципиальных, ключевых нравственных понятий. Кстати, если конфликт обозначен как конфликт плоти и духа, то подразумевается второе значение слова «плоть» из словаря Даля(6). Со словом «духовный» тоже не все просто: значений много – и как бы не запутаться. Выбираем то, которое подсказано нашими ориентировочными формулировками выбора (конфликта), то есть «нравственно стойкий, нравственно чистый» (обозначим его в нашей работе как I значение). Сознательно отделяем значение «интеллектуальный, культурный, образованный» (II значение), показывая ребятам, как эти два значения духовности могут не совмещаться в реальном человеке. Пока, до IV главы, это разделение, может быть, немного абстрактное, но оно обязательно наполнится актуальным для нас, читателей, смыслом.

Во-вторых, иногда возникает сам, а если нет, то, возможно, учитель должен предложить, вопрос о возможности совмещения того, что попало в формулировку конфликта. Действительно, может быть, можно жить с комфортом и самоотверженно трудиться на благо ближнего? Важно, чтобы ребята почувствовали: речь идет не об отказе от всех жизненных удобств и благ, а о том, что человек ищет внутренней цельности и для этого стремится обрести один ценностный центр, чтобы вокруг него уже выстроить иерархию ценностей. Кроме того, разве жизнь не ставит нас довольно часто тоже в ситуацию выбора? Иногда совместить то и другое становится невозможно, и как поведет себя человек, в пользу чего сделает выбор? И какие последствия этот выбор будет для него иметь? И еще вопрос: может ли человек, привыкший к комфорту, пойти на жертву, даже самую небольшую? Видимо, от того, *что* для человека главное в жизни, будет зависеть и его выбор, и – как следствие – его судьба. Итак, конфликт, то есть движущая сила действия, найден.

Но мы пока увидели, что чувствует Старцев у Туркиных, а как он поступает, погрузившись в такие новые для него приятные ощущения? «Прекрасно! – сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. – Вы где учились музыке? – спросил он у Екатерины Ивановны. – В консерватории?» - так, видимо, делается Старцевым первый шаг по пути к Ионычу...

Конец первой главы можно проанализировать с помощью вопросов, например: какая деталь свидетельствует о стремлении Туркиных отгородиться от реальной жизни? В чем проявляется искусственность, автоматичность их существования? Какие слова продолжают тему еды и пресыщенности? О чем может свидетельствовать деталь: «Он <Старцев> зашел еще в ресторан и выпил пива»?

Главу II вряд ли стоит читать в классе так же подробно, как первую. В центре нашего анализа будет, разумеется, чувство Старцева к Екатерине Ивановне. Но стоит отметить еще два момента. Деталь «прошло больше года в трудах и одиночестве» говорит о том, чем наполнено время Старцева, и косвенно о его моральном состоянии. Он трудится, работает, лечит и будет заниматься этим до конца рассказа (кстати, в IV главе сам он называет свой труд «наживой»), но этот труд - казалось бы, труд на благо ближнего(7) – вовсе не помешает ему превратиться в Ионыча. В каком-то смысле, Чехов вступает в разговор, начатый Гончаровым в «Обломове», - разговор о значении деятельности в жизни человека. Но Чехов переводит этот разговор как бы на иной смысловой уровень. И бездеятельный Обломов, с его «честным, верным сердцем, его природным золотом», и деятельный Штольц, достигший с Ольгой «счастья, о котором

одном мечтал, бывало, Обломов», как бы то ни было, ни в чем не выходят в своей внутренней жизни из сферы нравственности, по большому счету не теряют одухотворенности. Труд и деятельность рассматриваются Гончаровым как условие реализации внутреннего потенциала человека – человека, духовность которого подразумевается. Чехов же ставит вопрос о сути труда и деятельности как таковых, то есть, по-другому, он исследует, вносит ли труд сам по себе духовное начало в жизнь человека. В своих выводах он совершенно совпадает с тем, что всегда знало православие: сам по себе труд «не спасает».

Словом «одиночество» подчеркнуто то, что «Старцев все собирался к Туркиным», то, насколько тягостна ему его жизнь и как привлекает его их дом. Однако учтем, что примерно в это время и чуть позже, когда он начинает ездить к Туркиным, он еще «любит рассказывать о своей больнице», как скажет через несколько лет Екатерина Ивановна. Так изображается Чеховым двойственность Старцева до момента окончательного выбора.

Вторая деталь из предварительных замечаний – «он в самом деле немного помог Вере Иосифовне» - вновь напоминает нам о профессионализме Старцева.

Итак, Старцев начинает ездить к Туркиным «уже не ради ее мигрени». Он влюблен, но не просто влюблен – он поглощен страстью. Ребята без труда найдут в репликах Старцева детали, убеждающие в этом. Чехов пользуется повторами («Я не видел вас целую неделю» - дважды), гиперболой («...а если бы вы знали, какое это страдание!»). Преувеличенность чувств выдают и слова: «Я страстно хочу, я жажду вашего голоса».

Чехов прерывает диалог героев описанием чувств Старцева. В этом абзаце («Она восхищала его...») обратим внимание не только на чрезмерную восторженность любви, но и на то, соотносится ли с реальной Екатериной Ивановной восприятие Старцева. Можно спросить у ребят: одинаково ли видят героиню автор и герой и благодаря каким словам мы понимаем это? То обстоятельство, что героиня «во время серьезного разговора, случалось... вдруг некстати начинала смеяться или убегала в дом», наводит на мысль об иллюзорности представлений Старцева о ней. Но страстно влюбленный, «очарованный» Старцев этого не чувствует: «она восхищала его... наивным выражением глаз и щек», «даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое», «она казалась ему очень умной...».

Замечательна также противоречивость его представлений о ней: слово «наивный» и однокоренное применительно к Екатерине Ивановне в восприятии Старцева повторено трижды – несмотря на это, «она казалась ему очень умной и развитой не по летам». Объясняется эта противоречивость не только силой чувств, но и оторванностью представлений Старцева от реальности, что подтверждается следующей после описания частью диалога – примером «серьезного разговора»:

«- ...А как смешно звали Писемского: Алексей Феофилактыч!

- Куда же вы? – ужаснулся Старцев, когда она вдруг встала и пошла к дому...»

Итак, его страсть закрывает от него подлинную Екатерину Ивановну, которая, благодаря автору, хорошо видна читателю. Может показаться немного странным, что такой человек, как Старцев, переживает *такое* чувство. Разгадка этой странности содержится в этом же абзаце: «С ней он мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей...» На что жаловаться Старцеву? На то, что реальное, настоящее, **подлинное** дело, которым он занимается (лечение людей), сопряжено с трудностями? На то, что вообще трудно бывает иметь дело с реальными живыми людьми?(8) Но по-другому-то **не бывает!** (Туркины не в счет: они подлинного дела не делают.) Значит, он жалуется ни много ни мало на саму реальность, на порядок вещей – и эта *жалость к себе* есть глубоко в нем спрятанная отправная точка *ухода* от реальности, от подлинности, момент разрыва с ней, причина его чрезмерной эмоциональности и слепоты его чувств. Но, уходя от реальности, человек неизбежно попадает в царство иллюзий, что и видно на примере Старцева. И чем менее человек доволен реальностью, тем более страстно он предается иллюзиям и эмоциям, чем и

объясняется сила чувств и слепота Старцева. По-человечески понять Старцева, конечно, можно, но его самосожаление делает его по существу бессильным, безоружным перед реальными трудностями жизни.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, само чувство любви становится по существу для Старцева компенсацией за «трудную и одинокую» жизнь в Дялиже, его утешением, элементом его душевного комфорта. Это проявится тогда, когда он получит отказ на свое предложение: ему будет «жаль своего чувства, этой своей любви», словно он положил деньги в банк, а тот прогорел; «так жаль, что, кажется, взял бы и зарыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона». Так некрасиво обнажилась эгоистическая суть старцевского чувства, так в очередной раз странно видеть детскую душевную реакцию взрослого человека. Впрочем, он больше не ошибется с банком, и вложит свои ценности туда, где есть прекрасные перспективы приобрести недвижимость. Но это будет потом, а пока обратим внимание детей на этот устойчивый мотив жалобы на жизнь. Он появится еще раз, когда Старцев спустя годы будет вспоминать о своей любви, разговаривая с Екатериной Ивановной; и еще – когда Чехов начнет намечать двойничество Старцева и Пантелеймона (последний «вздыхал и жаловался на свою горькую участь: езда одолела!»).

С учетом всего понятого постараемся сформулировать, как развивается конфликт. Для этого предложим ребятам «детское» задание - написать небольшой текст под названием «Жалобы Старцева», а затем попросим их ответить на вопрос о том, какая «сторона конфликта» по существу стала источником этих жалоб, а ответ развернуто пояснить. Как бы ни строились наши рассуждения, так или иначе мы придем к выводу, что Старцев, несмотря на то что делает большую, важную работу, не только в ней находит радость и утешение («Вы так любили говорить о своей больнице»), но и довольно серьезно сосредоточен на себе и своих проблемах, бессознательно и полубессознательно ищет своеобразной компенсации за понесенные «траты», хочет сберечь себя. Остро воспринимаемые им трудности жизни уже изменили строй его чувств: он уже не поет и не смеется, а жалуется («плоть душе враг»). Намечается опасный внутренний разрыв с реальностью, некое глубинное несогласие с порядком вещей. А значит, конфликт углубляется и обостряется, и главный внутренний выбор склоняется постепенно в пользу «плоти». У Даля процитировано евангельское «дух бодр, да плоть немощна», но у чеховского героя и дух не бодр.

В словаре В.И. Даля есть замечательные слова о человеке (см. «Человек» и наше Приложение). Этот фрагмент можно использовать на уроках словесности (то есть и русского языка тоже) по-разному. Например, обсудить, как написанное соотносится со Старцевым. Такой разговор может подготовить ребят к анализу ключевого эпизода на кладбище, где герою представится возможность непосредственно прикоснуться к тому, что могло бы стать источником его духовной силы.

Прежде чем Старцев, «опьяненный» «слабой, пустой надеждой», которой он «отдался», окажется на кладбище, он будет, бродя около столов в клубе, слышать голос своего сухого рассудка(9). Чехов предельно ясно изображает внутреннее состояние героя: рассудок и чувства тянут его в разные стороны, ни за тем, ни за другими нет истины. Но главное – Чеховым подчеркнут момент внутреннего действия, собственно *выбора* («он отдался»), как это было и в I главе («...сказал Старцев, поддаваясь общему увлечению»). Эта выделенность в чеховском повествовании момента нравственного выбора знаменует собой не только личную ответственность человека за свою жизнь, но и прямо свидетельствует о глубокой вере Чехова в духовную силу человека. Ведь если бы этой силы не было и *не могло* быть, ни о какой ответственности речи бы не шло. Так нас готовит автор к моменту главного старцевского выбора, а также к пониманию того, что герою сейчас, в его бедственном состоянии, уже нужна помощь, реальная духовная поддержка.

Эпизод на кладбище открывается пейзажем. Внимательно следим по тексту, какое **настроение** хочет создать Чехов (не забудем, что у детей слово «кладбище» часто связано с вполне определенными сильными эмоциями, и эту инерцию восприятия нужно преодолеть). С самого начала кладбище сравнивается с «лесом или большим садом», чем отводятся тревожные ощущения читателя. Наоборот, здесь царит какой-то ясный покой: «ограда из белого камня», «лунный свет», евангельский стих на воротах, который Чехов не заканчивает, как бы приглашая читателя вспомнить его и проникнуться его смыслом(10), вспомнить о подлинности жизни и нерушимости ее основ. Старцев входит в калитку и видит кладбище: «белые кресты и памятники по обе стороны широкой аллеи и черные тени от них и от тополей». Пейзаж, четкий и ясный, необыкновенно внятен глазу. Чередуются слова «белое» и «черное», и заключает фразу вновь эпитет «белое». Далее белый цвет поддержан эпитетом «светлее», деталями «желтый песок аллей» и «надписи на памятниках были ясны». Возникает ощущение, что автор добивается, чтобы его пейзаж не завораживал, не очаровывал, а, напротив, как бы очищал нашу способность видеть подлинную реальность – и не только видеть, но и чувствовать всем своим существом. Так он готовит нас к тому, чтобы то, что дальше испытывает Старцев, мы восприняли как подлинность. Старцев «на первых порах» поражен тем, что видит и чувствует – «мир, не похожий ни на что другое, - мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем»(11). Тайна жизни, доступная живому ощущению, предстает перед героем! В этот момент ему открыто подлинное ощущение присутствия живой вечности. И он способен ее почувствовать, но способен ли остановиться и уже сделать движение ей навстречу? Ответ в следующей чеховской фразе: «Кругом безмолвие; в глубоком смирении с неба смотрели звезды, и шаги Старцева раздавались так резко и некстати». Нет, он проходит мимо, оказывается чужд ей, сам отказывается от причастности к ней. И это его выбор. Приведенная цитата интересна и в следующем отношении: если о «тайне, обещающей жизнь... вечную» мы узнали из описания чувств героя, то о «глубоком смирении... звезд» нам говорит сам автор, подтверждая таким образом адекватность восприятия героя и реальность его выбора. С этого момента его раздельность со светлым духовным началом становится абсолютной: он пренебрег им и тем самым предоставил себя в распоряжение всего того, что есть в нем, человеку. И поэтому его состояние быстро начинает меняться.

Отказавшись от «жизни... вечной», Старцев не в силах вынести мысли о собственной физической смерти. Теперь для него не может быть «покоя» и «тишины», его удел – «глухая тоска небытия, подавленное отчаяние». Но физическая жизнь пока продолжается, и это «подавленное отчаяние» уйдет в глубь души, чтобы оттуда диктовать человеку его выбор впредь и определять его поступки.

Далее в тексте следует замечательный фрагмент, посвященный памятнику Деметти с явно символической деталью («лампадка над входом отражала лунный свет и, казалось, горела»). Можно предложить ребятам попрактиковаться в интерпретации детали, напомнив им о различии между более строгим анализом и более свободной интерпретацией.

А Старцев еще какое-то время находится на кладбище и ждет, но видит он иное и чувствует по-иному. Анализируя этот фрагмент, мы можем в полной мере оценить точность второго значения слова «плоть» из словаря Даля, которое мы закладывали в формулировку конфликта. Когда же как не теперь и проявиться плоти в полной мере! Старцев «ждал страстно и рисовал в воображении поцелуи, объятия». Но кого он ждал? Часто дети сами, без подсказки замечают, что, если Старцев думал в это время о «женщинах и девушках, которые...любили, сгорали по ночам страстью...», вряд ли испытываемое им в этот момент чувство можно назвать любовью к Екатерине Ивановне. Его обида на «мать-природу», ограничившую человека в его возможностях, его желание

закричать о своей жажде любви «во что бы то ни стало», его тягостное томление, граничащее с галлюцинациями («перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела...») – всё это вместе какой-то дикий бунт плоти.

Когда ребятам становится понятно, что же произошло со Старцевым на кладбище, можно дать им (с целью закрепления понятого) для обсуждения или письменного ответа вопросы вроде: что в жизни Старцева можно считать логическим продолжением этого «бунта плоти»? Как связано произошедшее со Старцевым на кладбище с основным содержанием его дальнейшей жизни? Какой смысл имеет для Старцева накопление денег и покупка домов? Данный эпизод по существу объясняет и причины, и механизм всего, что совершится со Старцевым дальше. Накопление денег, покупка домов – это овеществленная в материальных ценностях экспансия плоти, это его яростная и бессмысленная попытка достижения материального «бессмертия».

Отыскав своих лошадей, «едва держащийся на ногах» Старцев «с наслаждением» садится в коляску. Прошло немногим более года с того момента, как ему, вернувшемуся от Туркиных, казалось, что «он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать».

Мы уже заглядывали в III главу, когда пытались понять суть чувства Старцева к Екатерине Ивановне. Анализировать эту главу можно по-разному. В сильном классе можно предложить ее ребятам для самостоятельного комментированного чтения с выделением важных, ключевых деталей. Можно предложить им вопросы для анализа. Так или иначе, важно увидеть в этой главе переживание Старцевым любви, его внутреннее состояние в контексте всего сказанного, а также внутренний мир Екатерины Ивановны. Кроме того, анализ текста даст возможность подойти к пониманию взаимоотношений чеховских героев вообще. И, наконец, финал главы поможет взглянуть на чувства Старцева в новом свете.

Итак, Старцев приезжает делать предложение, но у Екатерины Ивановны идет своя жизнь: она собирается в клуб на танцевальный вечер. Старцев сидит у Туркиных, и Иван Петрович пытается развлечь его своими шутками. Старцев «слушает рассеянно»: у него – своя жизнь. Прислушаемся к ней.

В какой момент ярче всего проявляется любовь Старцева? Ребята без труда найдут: когда вошла Екатерина Ивановна в бальном платье, Старцев «залюбовался и пришел в такой восторг, что не мог выговорить ни одного слова, а только смотрел и смеялся». Какое чувство вызывают эти слова? Они располагают читателя к герою, способному на такое сильное, непосредственное переживание чувства. И все же нельзя тут же не увидеть, какими словами, какой старцевской мыслью *начинается* в этой главе изображение внутренней жизни героя. Это мысль Старцева о приданом... Запомним ее.

Теперь посмотрим с иной стороны: сейчас, когда любовь его столь сильна, приносит ли она ему гармонию? Между словами о приданом и о «восторге» Чехов располагает диалог, изображающий состояние души и рассудка Старцева. Мы понимаем, что внутренней гармонии нет, более того, это скорее внутренний *конфликт*: «на душе... радостно и тепло», а рассудок назван «каким-то холодным, тяжелым кусочком». Побеждает в споре душа, но как же безрадостна эта победа, ведь последние ее слова: «Дадут приданое, заведем обстановку...» Уже здесь возникает вопрос: что же важнее для героя – любовь или желание «завести обстановку»? И чему в конце концов приносится в жертву земская служба – любви или материальным благам?

Желание комфорта и удовольствия, это проявление плотского начала, смешивается с романтическими чувствами, как кажется, оттого, что герой после бессонной ночи находится «в состоянии ошеломления, точно его опоили чем-то сладким и усыпляющим». Но, заглядывая в конец этой главы, мы уже видели, что сами романтические чувства в момент испытания оказались для Старцева в первую очередь элементом его душевного, эмоционального комфорта. «Приговор» «этой его любви», казалось бы, ясен. Однако не все так просто.

Уместно вспомнить, что, анализируя предыдущую главу, мы отмечали чрезмерную восторженность Старцева, а также оторванность старцевских представлений о Екатерине Ивановне от реальности. Но в этой главе «восторг» своего героя Чехов *пока* никак не комментирует, ничем не снижает его. И хотя мы понимаем, что это «тот же самый» восторг, но в данном контексте и на фоне всех соседних деталей, слова «...а только смотрел на нее и смеялся» действительно не могут не оставить светлого впечатления. Кажется, этот «восторг», несмотря ни на что, чем-то дорог автору, может быть, тем, что в нем, как ни странно, есть частица бескорыстия. Впрочем, в сцене объяснения героев, в клубе, уже появляется значимое чеховское слово: предаваясь «ненужному красноречию», Старцев говорил «с увлечением» (вспомним I главу – «поддаваясь общему увлечению»). Эта психологическая деталь содержит прямой намек на преувеличенность чувств и одновременно, связывая два эпизода, напоминает о его знакомстве с Екатериной Ивановной и начале увлечения ею.

И еще один непростой момент. Как бы между делом Чехов сообщает читателю, что Старцев – «дьячковский сын», а значит, человек из очень небогатой семьи. Это обстоятельство может многое объяснить в его желании «завести обстановку», в том, как легко он поддался очарованию в доме Туркиных. Кроме того, мы можем понять еще одну важную вещь: всего, что есть у Старцева, в том числе своего социального статуса, он добился сам, своим трудом. Но, несмотря на это, Чехов непреклонен в нравственной оценке того, что происходит со Старцевым. А почему? Тоже полезный вопрос для ребят. На него можно ответить и очень просто, и сложно. Но здесь особенно важно, чтобы каждый сформулировал свой ответ, и тогда понятое будет действительно *своим*, а не навязанным извне.

Не понимая реальной Екатерины Ивановны и не чувствуя реальной ситуации, «в состоянии ошеломления» Старцев приезжает делать предложение и не испытывает никаких сомнений и колебаний. Отказ для него как гром среди ясного неба. Вчитаемся теперь в этот отказ и вникнем в образ Екатерины Ивановны.

Внешне она все так же хороша («хорошенькая, чистенькая»), но теперь мы можем наблюдать ее в необычной ситуации и наконец слышать ее развернутую речь. Некоторую грубоватость и неразвитость ее чувств можно заметить в ее реакции на старцевские любовные жалобы: «Екатерина Ивановна, довольная, что так хитро подшутила над влюбленным и что ее так сильно любят, захохотала...» Детям, которым трудно ощутить дух этой фразы, можно предложить представить, что эти слова сказаны, например, про Ольгу Ильинскую или Татьяну Ларину, - и почувствовать, что это невозможно. Такие краткие сравнения допустимы в некоторые моменты повествования(12). Также можно провести экспериментальную синонимическую замену «захохотала» на «засмеялась» и понять, что изменилось(13). Впрочем, в то же время нельзя терять из вида, что Екатерина Ивановна ведет себя так, как и могла вести себя девушка ее воспитания и образования. Ведь и Татьяна, и Ольга Ильинская скорее исключение из правил, чем правило, а Котик – обычная.

И речь(14) ее – речь юного, неопытного существа, не знающего жизни, но решительно чувствующего, что жизнь у него «пустая и бесполезная», «невыносимая». Она мечтает быть артисткой, «хочет славы, успехов, свободы» и так же, как Старцев не сомневался в том, что его предложение будет принято, уверена, что всё у нее сбудется. Но заблуждается она не только в оценке своих способностей - Старцева, скажем, она видит как «доброе, благородное, умное человека», он для нее «лучше всех». И это, конечно, тот образ светлой личности, уточняя который мы обрели понимание подлинного Старцева. Однако она не понимает его не только потому, что не знает людей в силу возраста, а уже просто потому, что вся ее жизнь подчинена установке, что «человек должен стремиться к высшей, блестящей цели», которую она себе уже определила и которую никто и ничто не может изменить. Она сосредоточена на себе, и это закрывает от нее жизнь. Но разве все окружающие ее люди не поддерживали в ней эту

сосредоточенность на себе своими неумеренными похвалами! Таким образом, Чехов показывает, что Екатерина Ивановна не меньше Старцева оторвана от реальности, она живет разнообразными иллюзиями и заблуждениями, и хотя все они объяснимы и возрастом, и воспитанием, но суть от этого не меняется: в плену иллюзий становится иллюзорной и вся человеческая жизнь.

Итак, Старцев желает жениться на Екатерине Ивановне, Екатерина Ивановна жаждет уехать в Москву, прославиться... Подлинный драматизм в том, что, хотя жизненные цели оказываются иллюзорными (ложными), а отношения между людьми – поверхностными (Старцев – Туркины) и тоже в каком-то смысле иллюзорными (Старцев – Екатерина Ивановна), человек вкладывает в них *реальные* силы своей души, тратит на них время жизни, которого никогда не вернуть. Так жизнь проходит по большому счету впустую. Но Чехов дает возможность взглянуть на эту жизнь и по-другому.

Финал главы повествует о том, что, когда Котик уехала в Москву, Старцев «успокоился и зажил по-прежнему». Но какой природы это его спокойствие? Он постарался забыть все, что показалось ему оскорбительным (то есть *всё*, что было связано с Котиком), вытеснить, уничтожить, а если вспоминал *то, что* когда-то так волновало душу и было главным содержанием жизни, то с каким пренебрежением: «Сколько хлопот, однако!» Для него словно все бывшее умерло, и от спокойствия его веет смертью души. И если теперь мы оглянемся на его прошлое, мы увидим не только игру пустых старцевских надежд и обольщений, но и его способность *просто и бескорыстно засмеяться от восторга* перед любимым существом. Значит, и эта в плане человеческих отношений, казалось бы, впустую проходившая жизнь не была еще последней степенью беды.

Четвертая глава повествует о том, как прогрессирует эта беда. И когда спустя четыре года Екатерина Ивановна говорит Старцеву о своем видении его жизни: «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье!» - ни о каком счастье Старцева в действительности говорить не приходится. Она говорит об этом «с увлечением» (какая знакомая деталь!), полностью отдавшись своим чувствам, говорит, что раньше не понимала его, а потом, в Москве, разочаровавшись в себе как в «великой пианистке», представляла его себе «таким идеальным, возвышенным». Она уверена, что теперь прекрасно его понимает, в то время как по существу даже не слышит его слов о собственной его жизни: «...Днем нажива, а вечером клуб...» Почему же не слышит, почему, в сущности, переходит от одной иллюзии к другой?

Трудно примириться с неудачей, крушением надежд, но еще труднее оторваться от жизненных установок, на которых, кажется человеку, стоит вся его жизнь. «Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели», - уверенно говорила Екатерина Ивановна четыре года назад. А теперь, когда ее цель не реализовалась, ей жизненно важно увидеть пример такой реализации у другого человека. И когда Старцев после своего единственного визита не приезжает больше к Туркиным, она пишет ему «страшное» письмо: «...Я боюсь, что вы изменились к нам; я боюсь, и мне страшно от одной мысли об этом...» И это не кокетство, ей действительно страшно, как человеку, теряющему некий ориентир, опору. Она, конечно, внутренне повзрослела (у нее теперь «грустные, благодарные, испытующие глаза» - наконец-то *глаза!*). Но ищет она по-прежнему цель и опору внешнюю (сейчас это Старцев: «...приезжайте и скажите, что всё хорошо»), а не внутреннюю, духовную, истинную, и потому обречена на иллюзии. И она хочет с ним говорить и встречаться, идеализирует его, как когда-то он видел в ней то, чего не было.

Итак, мы вплотную подошли к вопросу о зеркальности композиции в отношениях Старцева и Екатерины Ивановны – зеркальности вплоть до деталей, красиво выстраивающихся в схему(15). Тут, конечно, нельзя не вспомнить о зеркальности композиции в «Евгении Онегине». В старших классах это может быть хорошим поводом для повторения. Самым важным является, разумеется, выяснение функции этого приема, и сопоставление может в какой-то мере помочь ее прояснению. В «Онегине», с его

открытым финалом, с его ориентацией на живительную широту и непредсказуемость жизни, несовпадение судеб Татьяны и Онегина осмысливается как жизненное испытание, не только проверяющее характер на прочность, но и закаляющее его, вызывающее к жизни новые душевные, нравственные силы. Особенно ярко это выразилось в образе Татьяны. У Чехова же, благодаря зеркальности иллюзий, подчеркнута душевная разъединенность, разобщенность людей, сердечная глухота друг к другу. Разлука героев становится неизбежной, потому что, по существу, не было и встречи. Как будто ничто не препятствует их соединению, но они, даже сидя рядом, «на скамье под старым кленом», не могут найти друг друга. Испытание непреодолимо, оно ведет не к духовной победе человека, а к продолжению его бессмысленного мучения, к поражению. Финал Старцева мы хорошо представляем. А Екатерина Ивановна?

В четвертой главе в ее портрете появляются слова о ее бледности (дважды), о «чем-то несмелом и виноватом» во взгляде и манерах. В пятой мы узнаем, что она «играет на рояле каждый день, часа по четыре». Есть в этом какая-то обреченность, она ведь знает, что не «великая пианистка». И, наконец, самое важное. Чехов как глубокий психолог и врач, как человек, тонко чувствовавший связь духовного и телесного, вводит в финал рассказа такие подробности о ней: «Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым». Неусвоенный жизненный опыт – и надрыв, надлом, поражение. Так, человек у Чехова, отвергнув что-то самое главное в жизни или не прикоснувшись к нему, разъединенный с духовным началом, не может справиться с теми задачами, которые жизнь ставит перед ним, не в силах переработать свое частичное поражение в бесценный духовный опыт и стать сильнее.

Вернемся к Старцеву. В четвертой главе раскрывается один из важных вопросов рассказа – Старцев и обыватели. Подробно об этом Чехов пишет во втором абзаце. Идет ли речь в нем о простом противопоставлении в выгодном для Старцева ключе – вот о чем спросим ребят. Восьмиклассники обычно легко улавливают элементарную антитезу, но более сложные вещи требуют внимательного анализа и помощи учителя.

Для начала вспомним, кто такие обыватели. Интересно, что даваемое современным словарем под редакцией А.П.Евгеньевой первое безоценочное значение помечено как устаревшее, в то время как в словаре Даля оно просто единственное (в гнезде *обывать*). Если ребята еще не знают, им надо обязательно сказать, что Чехов был одним из тех, благодаря кому укрепилось в русском языке значение второе: «Человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами».

С кем имеет дело Старцев? С обывателем, который благодушен и неглуп, пока с ним «играешь в карты или закусываешь», но «стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном», всё меняется. В чем причина той «тупой и злой философии», которую «заводит» обыватель? Дети понимают, что таким способом он защищает свое право на потребление и комфорт. Значит, в обывателе мы узнаем плотского человека в чистом виде. Старцев как будто выгодно отличается от него. Может быть, рано мы констатировали его духовную смерть? Старцев пытается говорить с обывателем «о политике или науке». Не говорит ли это о его духовности?

Вспомним нашу начальную работу над прояснением «терминов», разговор о значении слов. В слове «духовный» мы выделяли два «рабочих» значения, необходимые нам для предметного разговора. Интеллектуальный уровень, уровень образованности у окончившего университет Старцева, разумеется, был выше уровня среднего обывателя. Возможно, Старцев даже умел говорить красиво и свободно «о политике и науке» и действительно обладал солидным запасом знаний на эти темы, то есть владел культурным богатством. Чему послужило это богатство? Принесло ли оно пользу Старцеву и тем, с кем он говорил о «несъедобном»? Как ни странно, в результате этих разговоров только увеличился разрыв Старцева с людьми. Кто-то обязательно скажет, что Старцев был не

понят в лучших чувствах, он нес просвещение и знание, а его не хотели слушать ограниченные и злобные люди.

Обратимся к тексту, посмотрим, какие темы поднимает Старцев, и попробуем понять, были ли «лучшие чувства». Это всего две детали, но это, не забудем, чеховские детали. Первая: «...человечество, слава Богу, идет вперед и... со временем оно будет обходиться без паспортов и смертной казни». Как выглядит это бодрое, оптимистичное утверждение в рассказе, где описана гибель человеческой души, хотя никто даже и не помышлял на нее покушаться? Предположим, может не быть на земле смертной казни, границ между государствами, паспортов и прочего. Это признаки процесса, который вовсе не находится в прямой связи с жизнью человеческой души, с духовностью в первом нашем значении. Старцев говорит о прогрессе цивилизации, который оказывается для человека в конце концов лишь повышением **уровня комфортности** жизни – и не более. И потому как горько, в сущности, воспринимаются в контексте рассказа эти его слова! (16)

Вторая деталь: «нужно, трудиться... без труда жить нельзя». Напомним, сам Старцев, у которого теперь «большая», а в скором времени будет «громкая» практика, в минуту откровенности называет свой труд «наживой», что соответствует действительности. («Бумажки», которые он вынимает по вечерам из карманов, стали смыслом его труда; кстати, не все восьмиклассники сами понимают, что речь идет о деньгах.) Почему же он проповедует труд? Самооправдание ли это для Старцева, или одна из принятых в образованном обществе ценностей, или же это одна из жизненных установок, порожденных его сухой рассудочностью (а может, всё вместе) – как бы то ни было, подлинных «лучших чувств», искренней заинтересованности в судьбе ближнего в старцевской проповеди труда мы не найдем.

Таким образом, Старцев является *по сути* таким же обывателем, как и его несостоявшиеся собеседники, просто уровень его потребностей, запросов выше. Он культурный, «трудящийся» обыватель, чувствующий свое превосходство над теми, кто не говорит о «несъедобном» и не работает с утра до ночи – не случайно другие обыватели так раздражают его!

Мотив раздражения звучит в начале и в конце абзаца, посвященного Старцеву и обывателям. Старцев перестал говорить с людьми, но, слыша их разговоры, «чувствовал раздражение, волновался...». Да и как не раздражаться, ведь «все, что... говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо»! Действительно, гораздо приятнее и **комфортнее** слышать «интересное, справедливое, умное»... Но задумаемся, в самом деле, почему эти разговоры настолько его задевают. Дети должны иметь возможность подумать над этим. Сюда же прибавим, что Старцев «каждый вечер играет в винт, часа по три, с наслаждением», от театра и концертов уклоняется. Получается, что радует его пребывание в сфере чистой логики (?), которую дают ему карты, а все связанное с эмоциональными затратами, даже развлечения («театр и концерты»), очевидно тяготит его, уже не говоря о людях, настоящее общение с которыми требует подлинного сердечного участия. Чувства у него, конечно, остались – точнее, два основных чувства, это наслаждение тем, что имеет прямое отношение к главному делу его жизни, и чувство *раздражения* ко всему, что такого отношения к делу его жизни не имеет. Таким образом, если мы обратимся к формулировке конфликта рассказа, тотальное раздражение Старцева окажется типичным проявлением плотского начала, кстати, подчинившего себе не только сферу его чувств, но и рассудок, интеллект. Интеллект, образование, врачебный опыт – все теперь служит «наживе», «бумажкам». Вообще, рассудочность Старцева подчеркнута Чеховым в этой главе: «Старцев подумал и вечером поехал к Туркиным», «подумал и сказал Паве», «вспомнил, что надо бы заехать хоть на минутку, но подумал... и не заехал». Эпоха чувств в жизни Старцева кончилась после отказа Екатерины Ивановны, началась эпоха рассудка.

Но сюжет четвертой главы определенно свидетельствует о том, что у Старцева была возможность вернуться к более нормальному человеческому состоянию. Он

встретился с Екатериной Ивановной и почувствовал, что «и теперь она ему нравилась, очень нравилась». А что дальше в этом абзаце описывает Чехов? Она изменилась, и это становится предлогом для раздражения и недовольства Старцева: «...но чего-то недоставало в ней, или что-то было лишнее». От «она ему нравилась» он стремительно доходит до тотального недовольства всем, что видит (в ней, на ней и около нее), и тем, что было в прошлом, «когда он едва не женился на ней». Прослушав чтение романа Веры Иосифовны, Старцев изрекает про себя сентенцию, констатирующую бездарность автора, а после игры Екатерины Ивановны на рояле делает вывод: «А хорошо, что я на ней не женился».

Екатерине Ивановне удастся увлечь его в сад, и он погрузится в атмосферу прошлого, которого ему станет вдруг «жаль». Однако когда начнут пробуждаться и оживать чувства и «в душе затеплится огонек», тут же захочется «говорить, жаловаться на жизнь...». Самосожалением проникнуты слова Старцева о его теперешней жизни – жизни, которую он сам выбрал и построил. Но хотя в ней, действительно, мало хорошего, оторваться от нее ему не захочется – ради чего? Приговор чувствам он уже вынес четыре года назад: «Сколько хлопот, однако!» Эти слова оказались приговором и всей его прошлой жизни, когда он «любил говорить о своей больнице». Воспоминание о «бумажках», появившееся по контрасту к словам Екатерины Ивановны «вы представлялись мне таким идеальным, возвышенным», не столько возвращает его к действительности, сколько напоминает о теперешней любви, о новом «удовольствии» – надежном, неизменном, а главное – **удобном**. И «огонек в душе» гаснет. «Грустные, благодарные, испытующие глаза» Екатерины Ивановны отныне не будут способны пробудить в нем человеческих чувств, а лишь вызовут беспокойство. Второе «А хорошо, что я тогда не женился» станет окончательным. Этой фразой закрепится его абсолютный разрыв с «единственной радостью», которая была в его человеческой жизни, и победа «бумажек». Закончится же вечер для Старцева раздражением и безапелляционной оценкой всей семьи Туркиных: «... если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город».

Как будто очень убедительно звучат из уст Старцева эти оценки «творчества» Веры Иосифовны, «талантливости» семьи Туркиных. Нам, читателям, как живым людям, очень не хотелось бы, наверное, совпасть с таким персонажем хоть в чем-нибудь. Но неужели наконец автор согласен со своим героем? Наверное, это самый интересный и самый трудный вопрос во всем рассказе. Только его финал поможет нам приблизиться к пониманию этого вопроса, если мы захотим.

Степень глубины постижения V главы рассказа, и особенно финала, напрямую зависит от того, насколько глубоко был понят и *прочувствован* весь предыдущий текст. Если читать эту главу как поэзию (а чеховская проза по своей тонкости и художественной мощи – это вполне поэзия), читать, настроившись в первую очередь на настроение, на эмоциональный тон, на пафос, можно проследить, как нарастают в ней сарказм и негодование, связанные с образом Старцева. Предложим ребятам самостоятельно определить этот пафос и опорные детали. Но будем внимательны: только ли с негодованием мы относимся к состоянию, в котором находится Ионыч?

Две последние реплики Ионыча в рассказе вызывают сложную реакцию. Что-то беспомощное есть в этом его «А? Кого?», в этой бессильной попытке завязать разговор про Туркиных («Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?») – разговор, который у него больше никогда ни с кем *не сможет* состояться, так как он разорвал все человеческие связи с людьми. А какое чувство вызывает заключительная фраза о нем? Если взять ее отдельно, она как будто маловыразительна: «Вот и всё, что можно сказать про него». Из пяти самостоятельных частей речи три местоимения. Но именно благодаря этому она способна выполнить свою художественную функцию – стать страшной и горькой эпитафией, констатирующей

гибель человеческой души. Чехов пишет о последствиях выбора Старцева так сурово и правдиво, что, если мы сами хотим остаться на человеческих позициях, нравственный суд в нашей душе должен уступить место состраданию и страху.

«А Туркины?» - спросим мы вместе с автором. Туркиным посвящена самая последняя часть рассказа. В их описании акцент сделан на постоянство черт: «не постарел, нисколько не изменился», «по-прежнему все острит», «читает по-прежнему охотно, с сердечной простотой», «Котик (заметим, Чехов употребил детское домашнее прозвище) играет на рояле каждый день, часа по четыре». Но «она заметно постарела» (и как эта подробность щемяще не вяжется с детским прозвищем!), уезжает с матерью в Крым каждую осень из-за болезни - эти новые подробности вносят в финал очевидное настроение грусти. А слезы из вечно смеющихся глаз Ивана Петровича («смеющихся» - трижды повторенная в рассказе деталь!), при всей внешней театральности сцены со словами «Прощайте пожалуйста!» и с маханием платком, вносят в финал ноту подлинной человечности. В самом деле, вспомним: однажды в первой главе мы могли заметить слезы на его глазах, когда Екатерина Ивановна впервые играла в присутствии Старцева (по словам Ивана Петровича, «играла, как никогда»). Разве можем мы избавиться от чувства, что нам глубоко понятна эта безотчетная родительская слабость к своему чаду, тогда такому цветущему и полному сил, а теперь похварывающему непонятно отчего, и ничем, совершенно ничем ему нельзя помочь.

До всяких комментариев надо спросить ребят о настроении финала и попросить их объяснить свои выводы. Последующая беседа может обогатить их представления. Определяя настроение, стоит учесть и то, что Туркины, в отличие от Старцева, не утратили свойственных им и вначале черт душевности. И эта душевность и «сердечная простота», особенно по контрасту с состоянием Старцева, обретает гораздо больше веса в наших глазах, чем в начале рассказа, в окружении иронических деталей, а значит, не может не влиять на нашу оценку и настроение. Кроме того, Чехов, говоря о неизменном и о новом в своих героях, тем самым вводит в финал отчетливо звучащий мотив хода времени, что усиливает настроение грусти и горечи.

Думается, не совсем неправы будут те, для кого финал окажется вообще глубоко пронзительным. Эта смесь в героях манерности и сердечности, театральности и искренности, безнадежной ограниченности и своеобразной щедрости, позы и подлинного человеческого (родительского) страдания... Эти жалкие остроты и анекдоты, не меняющиеся годами, и ощущение неумолимо и неостановимо идущего времени, проходящей без пользы драгоценной человеческой жизни, чувство какой-то щемящей непоправимости происходящего – все это так или иначе можно ощутить в чеховском финале, в этой гениальной последней фразе: «И машет платком». Наша ирония и наш сарказм и здесь, как и в случае со Старцевым, растворяются состраданием к персонажам, и образуется очень сложный комплекс чувств, отличающий именно чеховскую художественную манеру, манеру позднего Чехова.

Чехов, несмотря на определенность своих нравственных позиций, а точнее, именно благодаря ей, *не судит*, и это принципиально отличает его от его героя. Поэтому подпись автора отсутствует под приговорами Старцева, как бы убедительно они на первый взгляд ни звучали. Старцев думает об окружающих плохо, а Чехов? А Чехов начинает освещать явление с одной стороны, освещать ярко, выразительно, и вроде бы подводит нас к определенным выводам, но затем меняет точку обзора и показывает другую сторону явления. И мы, видя все в целом, лишаемся возможности *суда* над героями, хотя понимание нравственной сути происходящего не только не исчезает, но и углубляется.

В связи с финалом может возникнуть вопрос: почему Туркины, которые уже в начале рассказа вроде бы чужды подлинной жизни, сохранили свою «сердечную простоту», избежали деградации, не превратились в нравственных монстров, а Старцев, этот молодой доктор, окончивший университет, бодрый, очень неглупый и т.д.,

становится тем, чем становится? Обсуждение этого вопроса дает возможность суммировать и переосмыслить все, что до этого было понято и сказано о героях.

Ответ, вероятно, связан с тем, что Старцев в принципе способен отличать подлинное от неподлинного и поэтому способен делать осознанный нравственный выбор. Он многое понимает про себя, судя, например, по тому, *что* он говорит Екатерине Ивановне во время их последней встречи: «Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. ...жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?» Но констатация этой устрашающей действительности для Старцева не детонатор нравственного потрясения и обращения, а просто еще одна жалоба на жизнь. Так происходит потому, что он верен своему выбору: однажды пройдя мимо истины, он нашел для себя прекрасные утешения и удобства, и всё, что его не устраивает, по большому счету в его глазах искупается тем, *что* его как раз очень привлекает и устраивает.

Туркины же, в противоположность Старцеву, словно не имеют инстинкта подлинности вообще, особенно старшее поколение. И эта их специфическая ограниченность оказывается для них парадоксально «спасительной», по крайней мере на долгий жизненный срок. Они не меняют ничего в укладе своей жизни, и им даже в голову не приходит изменить. Они не совершают подвигов, не ищут истины, но в то же время они как будто и не из тех, кто *цепляется* за материальные блага и стремится их умножить. Изобильной и благополучной жизнью они были избавлены от переживаний бедности – кстати, в отличие от Старцева, «дьячковского сына». И вообще, похоже, их жизнь складывалась так, что не вынуждала их сколько-нибудь всерьез двигаться.

Старцеву же пришлось пробиваться самостоятельно, как было отмечено. И по роду своего профессионального призвания он словно уже поставлен в ситуацию испытания. А по существу поставлен перед выбором пути – широкого или узкого. И – отказывается от узкого, не принимает испытания, попадая в зависимость от своего страха перед неприязной, непонятой им действительностью (вспомним ключевой эпизод на кладбище). С тех пор его жизнь все логичнее начинает выстраиваться вокруг задачи оградить себя, свою плоть от этой «несправедливой» действительности («Как, в сущности, нехорошо шутит над человеком мать-природа, как обидно сознавать это!»).

При анализе V главы продуктивно остановиться еще на двух моментах: на двойничестве Старцева и Пантелеймона и на детали «едет не человек, а языческий бог».

Зададим вопрос: в чем выражается двойничество и каков его смысл в рассказе? Деталей, посвященных Пантелеймону, вообще немного. Соберем их. Вторая глава: у Старцева «уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке». Третья глава: «хриплый кашель Пантелеймона», его «широкая спина», на него кричит «отвратительным голосом» городской около клуба: «Чего стал, ворона? Проезжай дальше!». (Как видим, пока еще *явного* сходства не отмечено.) Четвертая глава: «Пантелеймон тоже пополнил, и чем он больше рос в ширину, тем печальнее вздыхал и жаловался на свою горькую участь: езда одолела!». Пятая глава: «Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперед прямые, точно деревянные, руки, и кричит встречным: «Прррава держи!»... картина бывает внушительная».

Дальше посмотрим, в чем сходство Старцева и Пантелеймона. Это внешность (оба «пухлые, красные»), речь (оба жалуются на свою жизнь) и поведение (оба кричат: Старцев – принимая больных, чтобы они отвечали только на вопросы, а Пантелеймон – с козел своей тройки на проезжающих). Оба меняются постепенно и синхронно, словно братья-близнецы, разительное сходство приобретая к концу рассказа. Но выяснять смысл этого подобия невозможно без учета имени кучера – «Пантелеймон». Это имя святого великомученика, целителя, небесного покровителя врачей, традиционно почитаемого на Руси. Оно появляется у персонажа сразу, при первом же упоминании о нем, и становится

неотъемлемой частью его образа. Теперь можно предложить ребятам сформулировать художественный смысл этого странного двойничества. Это задание дает возможность не только достаточно кратко сформулировать смысл рассказа, но и поработать над подбором максимально точных *своих* слов для выражения горчайшей чеховской иронии (если не сарказма), так изящно поданной с помощью рассматриваемого приема. Старцев, конечно, не ищет небесных покровителей и помощников, он прикован к земному. Плоть стала руководить его жизнью и постепенно все определять в ней. Не святой целитель Пантелеймон, изображаемый на иконах прекрасным юношей, ведет его по жизни к будущему духовному преображению, а «красный и пухлый» кучер Пантелеймон, жалующийся на жизнь и кричащий на встречных, чудовищно похожий на него самого, возит его по домам, назначенным к торгам, чтобы еще теснее связать его душу с плотским началом. **(Старцев – «носящий дома вдов и сирот» - евангельское. - ?)**

Углублению понимания смысла рассказа будет способствовать и анализ второй отмеченной детали – уподобления Старцева в пятой главе языческому богу. Включающий в себя эту деталь образ «пухлого и красного» Ионыча, едущего на тройке, управляемой таким же Пантелеймоном, скорее, будет вызывать ассоциацию с каким-нибудь Молохом (наверное, благодаря Куприну), чем, например, с древнегреческими богами, в целом более знакомыми учащимся по курсам истории и МХК, по музейным экспозициям. Однако какими бы они ни были внешне, важно понять, *что* их всех как языческих богов объединяет, какие у них по существу «отношения» с человеком и как это соотносится со Старцевым.

Разговор о том, почему слово «боги» пишется со строчной буквы, а слово «Бог» - с прописной, уже мог возникать на уроках русского языка. Будем считать, что мы продолжаем и проясняем уже поднимавшуюся в классе тему. Возможно, восьмиклассники еще не задумывались, что язычество, так или иначе, замыкается на земных ценностях. Сами языческие боги не духовные существа – не духовные в нашем первом рабочем значении. Они подвластны страстям, могут вести друг с другом борьбу (вспомним «Илиаду»). Принося жертвы богам, язычники стараются расположить их к себе, заручиться их покровительством. А затем благодарят их за то, что считают для себя благом. Это отношения по принципу «ты мне – я тебе».

Основа христианской духовности – любовь и бескорыстие. Это иной уровень ценностей. С Богом нельзя вступить в сделку, а законы мироздания «подредактировать» для своего удобства. Но это и не нужно, если человек понимает, что Бог всегда любит его, всегда «за» него. Вера и любовь помогают человеку на пути его подлинной самореализации, дают ему возможность найти свое место в мире и среди людей, пройти испытания, обрести единственную, ни с чем не сравнимую свободу.

Старцев не просто превратил свои способности и знания в средство добывания денег. К нему обращаются за помощью и советом, и он за «бумажки», разжигающие и так непомерно возросший аппетит его плоти, помогает, при этом раздражаясь и крича «своим неприятным голосом: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!» Даже если представить, что его помощь на уровне достижений современной ему медицины, стоит помнить, что научные достижения всегда относительны, а вот **главного** (и это важно Чехову, изображающему то, *как* Ионыч принимал больных) его помощь лишена – лишена человечности, того духа любви и жертвенности, то есть благодатной силы Божьей, без которой непрочно и непродуктивно ни одно человеческое дело. Сравнение Старцева с языческим богом, таким образом, становится деталью символической, фокусирующей духовный смысл всего рассказа. Так «нерелигиозный», «неправославный», как принято о нем думать, Чехов выразил в своем рассказе подлинные православные смыслы.

Рассказ «Ионыч» в этом плане далеко не единичный пример. Можно назвать и повести «Степь» и «Дуэль», и рассказ «Студент» и др., но в заключение хочется напомнить финал повести «В овраге», фрагмент которой уже цитировался. Как кажется,

он представляет собой великолепный образец чисто художественного, не рассудочного, не словесно-логического выражения подлинного христианского смысла.

Как будто потерявшая всё в своей жизни Липа, лишившаяся маленького сына, убитого невесткой, идет с матерью с поденной работы. Женщины, и Липа в их числе, поют. Увидев своего изгнанного из дома свекра, бывшего «хозяина жизни», она с матерью отстает от толпы, поравнявшись с ним, низко ему кланяется, а затем достает из узелка кусок пирога с кашей и подает ему. Блаженство не только милостивых, но истинно *нищих духом* глубоко внятно было Чехову.

Примечания.

(1) Разговор о детали, конечно, раньше шел на уроках и в 8 классе. Только что могли быть изучены повесть Н.В.Гоголя «Старосветские помещики» и роман И.А.Гончарова «Обломов», и деталь там играла важную роль. Но у Чехова возникает особый эффект: стиль, основанный на детали, приобретает принципиальное, концептуальное значение. Историю Старцева Чехов заканчивает словами: «Вот и все, что можно сказать про него», словно в жизни героя просто *не хватает содержания* на «широкие картины», а кстати, не только в жизни Старцева.

(2) Как тонка художественная ткань! В гоголевских «Старосветских помещиках» очень много о еде, но там этот образ включен в целостный образ мира-рая, где царит любовь и изобилие, где героям не чужды ни истинная забота, ни дух жертвенности, поэтому всё по природе своей недуховное принимает на себя отсвет любви и духовности. У Чехова «не спасает» даже мотив гостеприимства: почему-то «соловьи» никак не хотят гармонировать с «запахом жареного лука». А у И.А.Гончарова в «Обломове» тоже «стук ножей», но звучит он совершенно по-иному!

(3) Можно дать задание найти толкование этого слова не только в толковых словарях, но и в Интернете. В словаре В.И.Даля: «**Интеллектуальный** *лат.* духовный, умственный, разумный, *противоположное* вещественный, плотский, телесный, чувственный. **Интеллигенция**, ... разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Противоположные понятия, указанные у Даля, могут стать подспорьем в дальнейшем анализе рассказа. Возможно также задание – проследить изменение лексического значения слова, как оно отразилось в толковых словарях. В современном толковании элемент значения «духовный» сnivelировано.

(4) Имитация, как напишет сам Чехов в записной книжке.

(5) Хорошо, если старшеклассники вспомнят здесь чету Маниловых.

(6) Чрезвычайно любопытно и полезно прочесть также толкование слова «душа» у Даля. На уроках порой заходит речь о духе, душе, и у ребят возникает вопрос, синонимы это или нет. Современный словарь сухо вато поясняет, что дух - это «психические способности, сознание, мышление», а душа – это «внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства». А у Даля можно найти не только значение слова, но и «тесное» значение и даже «теснейшее», узнать об иерархии души и духа («душа есть бесплотное тело духа»), а также поискать среди множества выразительных пословиц и поговорок те, что как-то по смыслу перекликаются с нашим рассказом, например «грешное тело и душу съело» или «плоть душе враг», или «свет во храме от свечи, а в душе от молитвы», или «своя душа не холоп, *<т. е.> себя жаль*».

(7) Ср. повзрослевшая Екатерина Ивановна, вернувшаяся домой после консерватории, отвечает Старцеву, который уже почти стал таким, как в финале, на его вопрос «что хорошего?»: «Но у вас работа, благородная цель в жизни».

(8) Сейчас он «жалуется на людей» - спустя несколько лет он будет кричать на пациентов: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!» Живые люди досаждают ему своей «живостью», с ними неудобно. Его реакция на них сейчас и потом – это звенья одной цепи, разные проявления одной сути.

(9) Старшеклассники, изучившие «маленькую трилогию», не смогут не узнать характерной рассудочной интонации: «...К чему поведет этот роман? Что скажут товарищи, когда узнают?» Бессмертный «человек в футляре»!

(10) В русском переводе: «...наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия». (Евангелие от Иоанна, гл. 5, ст. 28) Следующий стих гласит: «И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения».

(11) У позднего Чехова нередко в ключевых моментах повествования возникает пейзаж, очень лаконично, но ясно говорящий о присутствии в мире духовного начала. Как пример можно привести фрагмент из повести «В овраге»: «И чувство безутешной скорби готово было овладеть ими. Но, казалось им, кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит всё, что происходит в Уклееве, сторожит. И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».

(12) Например, признание Старцева в любви Екатерине Ивановне можно сопоставить с признанием Обломова Ольге. Интересно и полезно вспомнить, как повлияла на внутреннюю жизнь Татьяны Лариной отповедь Онегина (чтение книг из его библиотеки и постижение его подлинного внутреннего мира), и рядом поставить старцевское «взял бы и зарыдал» и «сколько хлопот, однако!»

(13) Просится еще одно сопоставление - с самодовольной и самовлюбленной сказочной героиней: «И царица хохотать, и плечами пожимать, и подмигивать глазами...» Изобретайте разнообразные способы, помогающие ученикам почувствовать тонкие, но очень точные оттенки чеховских смыслов! (?)

(14) Анализировать содержание речи Котика в этой главе в значительной мере помогает то, что мы узнаем о героине позже («Я такая же пианистка, как мама писательница»).

(15) набросок такой схемы-таблицы можно предложить ребятам для дополнения и доработки.

Элементы зеркальной композиции в отношениях Старцева и Ек. Ив.

<i>Старцев (гл. 2)</i>	<i>Екатерина Ивановна (гл. 4)</i>
Сказал Екатерине Ивановне, сильно волнуясь: - Ради Бога, умоляю вас, пойдете в сад!	Я с таким волнением ожидала вас сегодня. Ради Бога, пойдете в сад.
У Старцева во время объяснения бес- покойно билось сердце.	И было видно, что у нее тревожно би- лось сердце.
Я не слышал вас так долго. Я страст- но хочу, я жажду вашего голоса. Го- ворите.	Я волнуюсь... Мне казалось, что мы будем говорить с вами без умолку, до утра.

(16) XX век полностью подтвердил чеховское предвидение: по статистике именно в наиболее благополучных в материальном и социальном отношении европейских странах довольно высокий процент самоубийств.

Приложение.

1. Деталь – выразительная подробность в произведении, несущая значительную смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку (ЛЭС).

Классификации деталей (пункты А и В по А.Б.Есину).

А. По сфере закреплённости в изображённом мире произведения:

- внешние (портретные, пейзажные, вещные);
- психологические (мысли, чувства, переживания, желания).

В. По характеру художественного воздействия:

- деталь-подробность (действуют в массе);
- деталь-символ (единична, старается схватить сущность явления).

С. По способу существования в тексте:

- парные детали («пухлый и красный» Старцев и «пухлый и красный» Пантелеймон);
- противопоставленные детали (чтение романа – пение «Лучинушки»);
- повторяющиеся детали (жалобы Старцева, остроты Туркина);
- детали, составляющие градацию (Старцев ходит пешком, ездит на паре лошадей, потом на тройке).

2. Лучинушка

Лучина, лучинушка березовая!

Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?

А мне, молодешеньке, ох, всю ночьку не спать,
Всю ночьку не спать, младой постелюшку стлать.

Постелюшку стлать-то мне, мила друга ждать.
Первый сон заснула я – мила друга нет.

Другой сон заснула я – ох, сердечного нет,
Третий сон заснула я – заря – белый свет!

3. Человек - каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью. Побудка (инстинкт) животного, соединение низшей степени рассудка и воли, заменяет ему эти дары, разрозненные в человеке и даже вечно спорящие между собою – это сердце и думка (мысль). Высшая степень человечности была бы та, где разум и воля слились бы в одно, сознательно во всем согласуясь взаимно. Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью, и образует не род и не вид животного, а царство человека. Посему нередко «человек» значит «существо, достойное этого имени».

Человек плотский, *мертвый*, едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, *природный*, признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искусе падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть, в искусе побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину; цель его – царство Божие, закон – духовное чутьё, искушения он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его.

Человек по-своему, а Бог по-своему. Что ни человек, то и я. Не человек, а беремья пустаков. Человек не скотина – недолго испортить. Человек не для себя рождается (для Бога и людей). Блажен человек, иже и скоты милует. Вережка крепка с повивкой, а

человек с помощью. Божеское не от человека, а человек от Бога. Грешить – это дело человеческое, а коснеть во грехе – дьявольское. Посрамляет Бог суды человеческие.

Словарь В.И.Даля

4. Примеры тем сочинений для восьмого класса.

1. Почему постоянный и ежедневный труд не спасает Дмитрия Старцева от превращения в Ионыча?
2. Лучшая минута жизни Старцева. По рассказу А.П.Чехова «Ионыч».
3. Как помогают повесть Н.В.Гоголя «Старосветские помещики» и роман И.А.Гончарова «Обломов» понять образы и авторскую позицию в рассказе А.П.Чехова «Ионыч».
4. Тема труда (деятельности) в романе И.А.Гончарова «Обломов» и рассказе А.П.Чехова «Ионыч».
5. Старцев и кучер Пантелеймон как герои-двойники. По рассказу А.П.Чехова «Ионыч».
6. Анализ эпизода: диалог Старцева и Екатерины Ивановны в саду (4 гл.).
7. Сравнение Ионыча с языческим богом. Интерпретация детали в контексте рассказа.